

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (De la historia del estudio de la transitividad en la lengua rusa contemporánea)

У Мэй

Сианьский университет иностранных языков (Китай)

U Mey

Universidad de Lenguas Extranjeras de Xian (China)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 5 (2009), 63-73

ABSTRACT

In any field of modern Russian linguistics which lacks explicit boundary, and is filled with a large number of the transition and miscibility, the appearance of this grammatical phenomena has its linguistics' and super-linguistics' reason. The classification of simple and compound sentence lies in single-predication and poly-predication, however blanket component, identity component, parenthesis and vocative confuses the classification of simple and compound sentence.

Key words: transition, miscibility, blanket component, identity component, parenthesis, vocative.

РЕЗЮМЕ

В любой области современной русской лингвистики, которая испытывает недостаток во внешних разграничениях и заполнена большим количеством переходных и синкретических конструкций, появление данного грамматического феномена имеет лингвистические и экстралингвистические причины. В традиционных классификациях простое предложение рассматривается как монопредикативное, а сложное предложение как полипредикативное, однако общий компонент, компонент идентичности, вводная конструкция и обращение нарушают четкость классификаций типов предложений.

Ключевые слова: переходность, синкретизм, общий компонент, компонент идентичности, вводная конструкция, обращение.

Мысль о нестабильности языка неоднократно позволяет применять диалектический метод к анализу языка и видеть в нем противоречивое единство противоположностей, целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами. При описании языка с учетом явлений переходности и синкретизма сохраняется взгляд на язык как систему взаимосвязанных синхронных противопоставлений.

Язык, как и другие явления в мире, постепенно изменяется и развивается, хотя этот процесс очень медленный. Еще в XIX в. Н.В. Крушевский (1883: 149) писал, что язык, развиваясь, стремится к все более и более «полному и общему и частному соответствию мира слов миру понятий». Явление переходности,

являющейся универсальным свойством языковой системы, связано с общими закономерностями развития и совершенствования системы языка, в частности — с соотношением дифференциации и интеграции свойств языковых и речевых фактов. Так, например, В. В. Бабайцева пишет (1967: 15): «Отказываться от анализа реально существующих переходных явлений значит заранее ограничивать предмет исследования выхваченными их системы языка отдельными фактами, отражающими типичные языковые категории, но не охватывающими системы языковых явлений».

Обращаясь к языковым явлениям, которые мы изучаем, мы должны определить их содержание, значения, пределы изучения. Система понятий-терминов — необходимый инструмент при любом исследовании. Традиции употребления терминов, сложность и многогранность самого явления переходности — все это привело к большой терминологической пестроте. Терминологическое разнообразие отражает не только неразработанность терминологии, но порой и разное понимание объекта исследования. Разные интерпретации и подходы изучения сторон явлений переходности ведут к разным использованиям терминов. Взаимодействие языковых единиц и категорий получило в работах лингвистов разные толкования и разные названия: «транспозиция» (Ш. Балли, Е.С. Кубрякова), «трансляция» (Л. Теньер), «деривация» (Е. Курилович), «конверсия» (А.И. Смирницкий), «трансформация» (В.Н. Мигирин), и т.д. Переходные явления называют также промежуточными, периферийными, контаминационными, гибридными, диффузными, трансцендентными. Значения этих слов зачастую бывают не вполне однозначны, поскольку за каждым из них не закрепилось определенное содержание, в результате чего они употребляются то как тождественные, то как синонимичные, либо противоплагаются друг другу как названия неоднотипных переходных явлений.

В последние годы термины «переходность» (В.В. Бабайцева, В.К. Покусаенко и др.) и «синкретизм» (Г.В. Валимова, И.В. Высоцкая и др.) постоянно появляются в работах лингвистов, которые рассматривают нестабильные языковые явления в грамматическом строе русского языка.

Термин «переходность» в словарях БЭС (2000: 370-371) и РЯС (1997: 331-3322) трактуется как глагольная категория, его синонимы «транзитивность – интранзитивность» — как языковая категория, отражающая в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия / отсутствия у него прямого (по некоторым трактовкам, функционально обязательного) дополнения в работах А.А. Потебни (1977), В.В. Виноградова (1947), А.В. Бондарко (1976). Однако «переходность» получено другое значение: промежуточное состояние между разными категориями и уровнями языка в диахронные и синхронные времена. Именно это значение «переходности» является предметом наших исследований.

Определение лингвистических слов *переходность* и *переход* началось в XX в. А.С. Бедняков (1941) отождествил понятия «переход» и «переходность», предложил ввести один термин — «переходность». Не уточняют содержание термина *переходность* и другие ученые (Н.А. Каламова, М.Ф. Лукин и др.). В.Н. Мигирин (1971: 133) не разделяет диахронную и синхронную переходность, трансформации и контаминации.

Переходность и *переход* связаны с глаголом *переходить*, который имеет (в БАС т. 9: 994) 15 значений. В БАС у слова *переход* отмечается 7 значений, а у слова *переходность* — 2 значения: первое значение объясняется через четвертое

значение слова *переходный*, которое, в свою очередь, объясняется через шестое значение слова *переход*. Второе значение рассматривается в БАС как специальное слово, связанное с глагольной переходностью.

В.В. Бабайцева понимает переходность в широком смысле, среди переходных явлений она предлагает различать диахронию преобразования (результат процесса исторической трансформации) и соединительные звенья синхронной системы (контаминационные звенья) и дает дефиниции этих основополагающих терминов-понятий.

Переходность — это такое свойство языка, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними, обуславливая взаимодействие между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований (Бабайцева 1967: 21; 2000: 15).

Причины переходности в грамматическом строе русского языка могут быть экстралингвистические и лингвистические.

К экстралингвистическим причинам отнесут разнообразные и сложные явления действительности и связи между ними, а также все растущее стремление точнее и полнее отразить их языковыми средствами. Именно последняя причина и обуславливает развитие и совершенствование языка, которые связаны с борьбой системных и антисистемных тенденций, с нарушением соотношения между формой и содержанием. Причина возникновения явлений переходности — желание выразить мысль точнее, ярче и лаконичнее — одна из причин эволюции языка.

К лингвистическим причинам явление переходности можно отнести следующие: 1) многоаспектность единиц языка / речи; 2) отсутствие в языке нужных слов и конструкций для выражения мысли; 3) стремление к экономии языковых средств; 5) потребность в дифференциации смысловых связей и отношений; 6) потребности самой структуры языка и др. (Бабайцева 2000: 179-180)

Слова *переход* как лингвистический термин имеет 2 значения: диахронное и синхронное. Первое — это процесс преобразования одних речевых явлений в другие. Второе — наличие соединительных звеньев между оппозиционно противопоставленными явлениями.

Что касается связи диахронии и синхронии, наличие переходных (эволюционных) и переходных (синхронных) звеньев наглядно показывает *шкала переходности*, позволяющая показать место зоны синкретизма между оппозиционно противопоставленными явлениями (А и Б) и представить соотношение (колебания в «удельном весе») совмещающихся признаков с помощью буквенных символов. Среди синкретичных образований выделены периферийные (Аб и аБ) и промежуточные (АБ). Используемая как инструмент анализа явлений переходности в языке, шкала переходности В.В. Бабайцевой получает широкую популярность в России и за рубежом.

Шкала отражает как статику языковой системы, так и динамику ее развития (на это указывают двойные соединения между буквенными символами):

$$A \longrightarrow Ab \longrightarrow AB \longrightarrow aB \longrightarrow B$$

При необходимости более детального анализа синкретичных образований привычный набор из пяти звеньев трансформационной цепочки может быть

увеличен за счет дополнительных звеньев Ааб, Абб, ааБ, абБ. В таком случае шкала переходности имеет следующий вид (буквенные символы дополнительных звеньев заключены в скобки) (Высоцкая 2006: 7-8):

$$\begin{array}{ccccccc}
 A & \longrightarrow & (AaB) & \longrightarrow & Ab & \longrightarrow & (AbB) \longrightarrow AB \longrightarrow \\
 & & (aaB) & \longrightarrow & aB & \longrightarrow & (abB) \longrightarrow B
 \end{array}$$

По иному пути идет В.Н. Кодухов (1977), стремясь определить терминологическое значение слов «промежуточность», «периферийность», «синкретизм». В центре его внимания не степень удаленности переходных явлений от ядерных, а то, какая «сторона» данного явления несет на себе следы синтеза.

Термин *синкретизм* (*синкретичный*) неразрывно связан с *переходностью*. Термин синкретизм использовали лингвисты во многих работах, у него разные значения и сферы употребления. Одни лингвисты, отдавая дань традиции, закрепляют за ним самое широкое значение: синкретичный — переходный вообще (Бабайцева 1979: 30). Другие употребляют его для обозначения *свойства* переходного явления. Но и в данном случае, например, В.Г. Гак (1978: 20) понимает под синкретизмом всякое совмещение признаков (и в плане выражения, и в плане содержания). У В.И. Кодухова (1977: 8-9) синкретизм обозначает сочетание семантических признаков (план содержания), Е. Кржижкова (1969: 291), напротив, синкретизмом называет сочетание признаков структуры (план выражения). Разные подходы и предметы исследования приводят к разным пониманиям и интерпретациям самого термина *синкретизм*. Рассмотрим путь его оформления и развития.

Термин «синкретизм», греческий по происхождению, обозначает соединение, объединение разных сущностей. Однако в философских, литературоведческих и лингвистических исследованиях он наполняется разным содержанием. Синкретизм в лингвистике – сочетание дифференциальных свойств противопоставленных языковых явлений.

В.В. Виноградов (1947) использует термин «синкретические» для обозначения случаев, которые совмещают признаки разных членов предложения в пределах одной словоформы; А.М. Пешковский (1956: 266-267) — при истолковании некоторых синтаксических явлений, не поддающихся однозначной классификации. Содержание и функционирование термина исследовались и Л.Е. Холодиловой, а также В.И. Фурашовым и др.. Тем не менее, проблема синкретизма не осознавалась как собственно морфологическая и разрабатывалась в связи с изучением и описанием единиц синтаксического уровня (в работах В.В. Бабайцевой, Н.С. Валгиной, Г.В. Валимовой, Г.Г. Инфантовой, П.А. Леканта, Л.Ю. Максимова, В.Н. Мигирова, А.К. Федорова, Л.Д. Чесноковой, И.В. Артюшкова и др.).

Г.В. Валимова (1992: 5-6) называет условия проявления синкретизма: 1) нежесткий характер, подвижность языковой системы, обусловленные коммуникативным назначением языка; 2) асимметрия языкового знака; 3) многомерность единиц языка (набор признаков, на основании которых они выделяются); 4) наличие слабых и сильных позиций для противопоставленных компонентов системы; 5) речь как форма проявления языка (приспособление взаимодействующих компонентов системы к целям и условиям коммуникации).

Итак проблема синкретизма связана в том числе с проблемой асимметрии языкового знака, которую можно рассматривать как «фундаментальный фактор системы языка» (Якобсон 1985: 169). По словам А.А. Бурова (2001: 31), синкретизм «служит естественным регулятором отношений плана содержания и плана выражения, когда между ними наблюдаются сдвиги динамического характера». Таким образом, синкретизм рассматривается не только как свойство языковой единицы, но и как естественное свойство языка.

Анализируя термин *синкретизм* в языке, В.В. Бабайцева уделяет основное внимание семантической стороне языковых единиц. Она считает, что синкретичные образования — это своего рода конденсаторы семантики. Эта точка зрения хорошо отражается в одном ее высказывании: «Система разнообразных синтаксических единиц в современном русском языке представлена рядом оппозиций, обрамляющих зону переходных звеньев с семантически емкими синкретичными образованиями» (Бабайцева 2000: 248). Это представление нашло отражение в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». В статье, написанной В.В. Бабайцевой, зафиксированы два основных значения термина: «Синкретизм – 1) совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме. В русском языке наблюдается, например, падежный синкретизм (одно окончание имеет значение разных падежей) или синкретизм разных грамматических категорий (одно окончание имеет значение определенного рода, числа и падежа). Одни ученые относят синкретизм к грамматической омонимии, другие – к многозначности (полифункциональности) грамматической формы; 2) совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования» [ЛЭС, 1990: 446].

В заключение В.В. Бабайцева пишет: синкретизм — одно из проявлений переходности, объясняет встречающееся в некоторых исследованиях или отождествление переходности и синкретизма, или анализ только синкретизма без определения места рассматриваемого речевого явления или конкретного речевого факта в общей системе единиц языка и речи (Бабайцева 2000: 595).

Теорией *синкретизма* исследованы, главным образом, части речи. Учитывая грамматические и семантические факторы в синтаксисе, при анализе языковых явлений используют и теорию переходности, и теорию синкретизма. Синкретизм понимается как одно из *свойств* переходных явлений, одно из проявлений последствий явлений переходности.

Взаимоотношение переходности и синкретизма можно показать на шкале переходности. Звенья Аб, АБ, аБ — синкретичные звенья. А весь процесс целиком от А до Б есть переходный процесс языковых явлений.

Общая программа научных исследований в лингвистике может корректироваться в зависимости от объекта, целей и задач исследования. Анализ переходных и синкретичных явлений в языке многообразных научных подходов (Ли Цинь 2002: 44) может осуществляться в рамках — структурно-семантического. Этот подход требует наблюдений над языком / речью, выделения их структурных и семантических признаков, дифференциации обязательных и факультативных свойств и т. д.

Основоположником структурно-семантического метода является В.В.Виноградов. Данный научный подход получил своё дальнейшее развитие в трудах Н.Ю. Шведовой, Н.С. Пospelова, В.А. Белошапковой; наиболее полно – в рамках подхода Н.Ю. Шведовой, Н.С. Пospelова, В.А. Белошапковой и нашел своё отражение в «Русской грамматике» (1980). Этот подход устанавливает предметом исследования синтаксис русского языка, различает означающее (форму) и означаемое (значение). При описании синтаксических единиц учитывают и их форму, и их грамматическое значение. Выбирая между формой и значением, этот подход отдаёт предпочтение форме, считая форму именно ее надежным основанием (Ли Цинь 2002:327).

Исследование языка базируется на классификации языковых единиц. В современном русском языке классификация языковых единиц осуществляется на основе типичных явлений. Но в языке существует значительное число таких языковых явлений, которые обладают свойствам двух или нескольких уровней грамматических категории. Например, мы знаем, что союзом *хотя* выражаются уступительно-противительные отношения в сложноподчиненном предложении, а союзом *но* -- противительные в сложносочиненном предложении. В предложении «*Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда*» совместно существуют *хотя* и *но* — признаки сложноподчиненных и сложносочиненных предложений. Отсутствие «резких разграничительных линий» мы постоянно обнаруживаем в любой сфере современного русского языка, в том числе и при изучении переходности и синкретизма в границах простых и сложных предложений.

Широко известны трудности в установлении определенных границ между простым и сложным предложениями; неотчетливо разграничены типы простого предложения, а внутри этих конструкций расплывчаты границы членов предложения; с другой стороны, и разные типы сложного предложения не имеют отчетливых семантико-грамматических границ: недостаточно дифференцированы в языке союзные и бессоюзные сложные предложения, сложносочиненные и сложноподчиненные конструкции, внутри каждой из этих групп обнаруживаются переходных явления (Покусаенко 1983: 8).

В ряде случаев определение границ между простым и сложным предложениями — задача чрезвычайно трудная. В традиционной грамматике простые и сложные предложения различаются тем, что в простых имеет место монопредикативность, а в сложных — полипредикативность. В соответствии с таким представлением о конструктивно необходимом члене предложения структуры, включающие более одной пары «подлежащее — сказуемое», рассматриваются как сложные. Простое предложение как элементарная единица, реализующая одну предикативную связь, противопоставлено сложному предложению, представляющему собой объединение элементарных предикативных единиц (РЯЭ 1997: 390). Сложное предложение состоит из двух (и более) связанных между собой содержательно и формально частей, каждая из которых обладает категорией предикативности. Всё сложное предложение в целом характеризуется как полипредикативная единица, в отличие от простого предложения, представляющего собой монопредикативную единицу. (РЯЭ 1997:512). На основании данного критерия достаточно легко различать простое и сложное предложения. Но когда языковой единицей является основная форма простого предложения (например, в предложении одно подлежащее, одно сказуемое), а в добавочной части имеются различные другие обороты (деепричастные, причастные и др.), разница между простым и сложным предложениями не столь

очевидна. Размытые явления между двумя типами предложений главным образом наблюдаются в нижеследующих членах предложениях:

1. с обособленными членами;
2. с однородными членами;
3. с вводными конструкциями;
4. с обращениями (Белошапкова 1981: 435; Бабайцева 2000: 517; Ли Цинь 2002: 23-25).

Традиционная грамматика относит предложения с такими оборотами к простым, но они включают компоненты, обладающие скрытой, потенциальной и дополнительной предикативностью и функционально-семантически соотносительны с придаточными предложениями. Рассмотрим перечисленные типы предложений более подробно.

Предложения с обособленными членами в «Грамматике современного русского литературного языка» определяются как «*полупредикативные*» (Гр 70: 643; Покусаенко 1983: 20).

В сфере обособления, располагаются многочисленные полупредикативные построения, в которых члены предложения содержат дополнительное сообщение (вторичная, зависимая предикативность), сопутствующее основному сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения. Полупредикативные обособленные обороты обладают относительно самостоятельной коммуникативной значимостью и по своим семантико-синтаксическим свойствам близки к предложениям — самостоятельным или придаточным. Вместе с тем их модально-временное значение полностью или частично определяется основным предикатом. В зависимости от морфологической принадлежности главного члена выделяют полупредикативные обособленные обороты: причастные, деепричастные, адъективные, инфинитивные, сравнительные, субстантивные и др. Все обороты такого рода — синтаксические конструкции, переходные между членами предложения и придаточными предложениями (Бабайцева 2000: 517-518).

В предложении они могут выступать в роли обособленного определения (обороты, которые отличаются относительной информационной самостоятельностью: *Могучий лев, гроза лесов, лишился силы* (Крылов)), приложения и обстоятельства (обороты, которые передают дополнительный семантический оттенок, и эти смысловые отношения раскрываются при помощи союзов и союзных слов: *Войдя в комнату, гость снял шляпу — Когда гость вошел в комнату, он снял шляпу*).

Предложения с однородными членами также не укладываются в рамки привычного деления предложений на простые и сложные. Сложность структурно-семантической организации предложений с однородными членами обусловила разнообразие оценок их места в классификационной системе синтаксических явлений.

В традиционной грамматике предложения с однородными членами считаются простыми предложениями, поскольку в дифференциации простых и сложных предложений учитывается то, что в сложных предложениях — несколько грамматических (предикативных) основ, а в простых предложениях — одна, причем

даже предложения с несколькими глагольными сказуемыми строятся по схеме П + С, где позицию сказуемого занимает блок однородных членов. Такая точка зрения позволяет рассматривать их в практике преподавания не как типичные простые, а как предложения, осложненные однородными членными (Бабайцева 2000: 533). Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев и др., в отличие от первого взгляда, называли предложения с однородными членами «*слитными*, в противоположность простым» (Буслаев 1959: 287). Современные лингвисты более осторожны в оценке места предложений с однородными членами в системе синтаксических единиц. В работах В.А. Белошапковой, А.М. Мухина и др. к сложным предложениям приравняются лишь предложения с однородными глагольными сказуемыми. Указанные авторы считают, что «в таких предложениях несколько предикативных центров» (Белошапкова 1977: 167, 170). А.М. Пешковский (1956) отмечал переходный характер предложений с однородными членами, однако его понимание «слияния» отличается от понимания Буслаева: «...термин «слитное», если только отказаться от его исторического понимания, удачно выражает природу этих отношений, действительно среднюю между односоставностью и сложностью» (Пешковский 1956: 454). Н.С. Валгина также считает, что предложения с однородными членами имеют переходный характер. Она рассматривает как простые все предложения с однородными членами, за исключением предложений с глагольными сказуемыми. Она пишет: «Такие предложения являются переходными между простыми и сложными и, естественно, в частных, конкретных своих проявлениях тяготеют то к одному, то к другому из этих полярных типов» (Валгина 1991: 266).

В «Русской грамматике» (1980) подробно и глубоко описывается позиция предложений с однородными сказуемыми: «Граница между простым и сложным предложениями не всегда является четкой. Есть случаи, когда одно и то же предложение может быть интерпретировано и как простое и как сложное. Таковы предложения, в которых при одном подлежащем имеется не одно, а несколько сказуемых, например: *Я простился и пошел домой; Она то посидит, по походит*» (Гр. 80, II: 461). Решающим признаком простоты или сложности предложения оказывается уже не отнесение сказуемых к одному общему подлежащему (однородность), а характер связи между ними. К простым относят только те предложения, в которых однородные сказуемые связаны между собой сочинительными союзами, и исключают из их числа предложения, в которых между однородными сказуемыми имеет место связь при помощи союзов подчинительных. В «Русской грамматике» (1980: 462) предложения с несколькими сказуемыми при одном подлежащем рассматриваются как сложные, если в них неоднократно выражаются значения времени и наклонения. Соответственно, и в семантическом плане они могут быть интерпретированы как сообщения о нескольких ситуациях — одновременных или следующих друг за другом, — характеризующихся единством (общностью) субъекта.

В целом, существует три точки зрения на однородные члены предложения: некоторые ученые рассматривают предложения с однородными членами как простые предложения, осложненные однородными членами. Осложненное предложение как переходное между простым и сложным предложениями впервые выделил А.Г. Руднев (1959). Эта точка зрения связана с традицией, она нашла отражение в школьной и вузовской практике преподавания. Другие ученые считают предложения с однородными глагольными сказуемыми сложными. Бабайцева и

некоторые другие полагают, что эти предложения входят в область переходных синтаксических единиц.

Предложение с вводными конструкциями: это конструкция, формально соотносимая с предложением, но функционально аналогичная вводному слову. В.В. Виноградов (1950: 217, 200) считает вводные конструкции союзами. А.Н. Гвоздев (1956: 411) и др. ученые указывают, что вводные конструкции не являются союзами, хотя они очень похожи. Ху Мэнхао (1980: 94) пишет: «...Вводные конструкции могут связывать оба предложения, но эта связь не сложноподчиненная и сложносочиненная, она особая вставная связь».

Нечеткая позиция предложения с вводными конструкциями между простыми и сложными предложениями главным образом проявляется в следующем: 1) полупредикативность: *Вчера ночью он приказал сыну Алексею и жене Авдотье (жившей давно в забросе и забвении) выехать, не мешкая в подмосковное имение Медведково, (А.Т.).* 2) добавочная предикативность: *С девяти шагов (помня охотничьи рассказы) мы для гарантии выстрелили еще по разу.* (Сол.) (Чжан Ян 2004: 70).

По сравнению с вводными конструкциями, **вставные конструкции** увеличивают содержательно-информационный объем предложения. Они воспроизводят те или иные схемы простого (реже сложного) предложения и характеризуются самостоятельным объективно-модальным значением, которое, в свою очередь, может быть осложнено дополнительными субъективными оценками: *Милый Жан, большое, громадное Вам спасибо за Ваше письмо, за то, что еще раз показали мне Ваш трагический почерк (который, кстати сказать, стал более разборчив)* (Чехов) (РЯЭ 1997: 79).

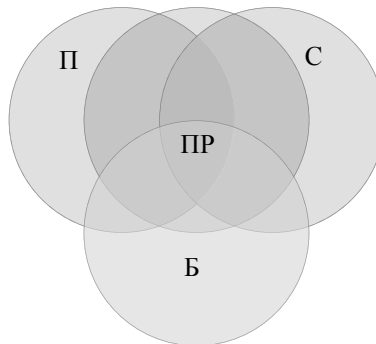
Предложения с обращением: обращение — это грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь. Обращение — принадлежность эмоционально-волевого языка. По этому признаку оно близко к императиву и в речи появляется чаще всего совместно с ним. Обращение является носителем двух, обычно совместно реализующихся функций: призывной (апеллятивной) и оценочно-характеризующей (экспрессивной). В обиходно-бытовой сфере, в художественно-образительной речи обращение, как правило, выражает не просто призыв к адресату, но и отношение к нему со стороны говорящего (БЭСЯ 2000: 340-341), поэтому в обращении отражается субъективная модальность, прибавляется имплицитная предикативность. Это делает обращение семантически похожим на сложное предложение, в результате чего появляются синкретичные явления между простыми и сложными предложениями. Эти синкретичные явления представляют случаи не структурного, а семантического синкретизма, поскольку называются при помощи обращения признаки предмета, а кроме того совпадают потенциальные предикативные значения: *Голубчик! Милая!* (Пешковский 1956: 407) Только что рассмотренные переходные случаи сближают простое предложение и сложноподчиненное.

Сходство простых предложений со сложносочиненными наблюдается в предложениях с однородными сказуемыми. Поскольку в современном русском языке центром предложения является сказуемое, которое отражает предикативность, одна предикативность символизирует одно предложение. Однородные сказуемые в сочиненных отношениях показывают полипредикативность, поэтому предложения

с несколькими однородными сказуемыми могут считаться сложносочиненными. Например: *Я пришел домой, сел и задумался.*

В предложении *Стена Рукавков был мал ростом, рыжеват, по лицу веснушки, но в колхозе многие девчата заглядывались на своего секретаря (В. Тендряков. Не ко двору)*, конструкция *по лицу веснушки* формально сходна с бессоюзными сложными предложениями, произносимыми с перечислительной интонацией.

Переходные и синкретичные явления между простыми и сложными предложениями показывают схематично можно показать следующим образом:

Как видно на рисунке, три типа сложных предложений: сложноподчиненные, сложносочиненные и бессоюзные пересекаются — простое предложение пересекается с каждым из типов сложного предложения.

Итак, явления переходности и синкретизма пронизывает всю систему языка. Зона синкретизма нарушает четкость классификаций частей речи и типов предложений. Учет переходных явлений при создании классификаций и познании сущности языка — один из важнейших моментов в изучении и описании структурно-семантических ресурсов русского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АХМАНОВА, О.С. (1966): *Словарь лингвистических терминов*. Москва.
- БАБИЦЕВА, В.В. (1967): *Переходные конструкции в синтаксисе*. Воронеж.
- БАБИЦЕВА, В.В. (1979): *Русский язык. Синтаксис и пунктуация*. Москва.
- БАБАЙЦЕВА, В.В. (2000): *Явления переходности в грамматике русского языка*. Москва.
- БЕДНЯКОВ, А.С. (1941): «Явление переходности грамматических категорий», *Русский язык в школе*.
- БЕЛОШАПКОВА, В.А. (1977): *Современный русский язык: Синтаксис*. Москва.
- БЕЛОШАПКОВА, В.А. (1981): *Современный русский язык*. Москва.
- БУРОВ, А.А. (2001): «Синтаксическая номинация как динамическое проявление синкретизма в русском языке». В кн.: *Языковая деятельность: переходность и синкретизм*. Москва – Ставрополь.
- БУСЛАЕВ, Ф.И. (1959): *Историческая грамматика русского языка*. Москва.

- БЭСЯ (2000): *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*. Москва.
- ВИНОГРАДОВ, В.В.(1947): *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва.
- ВИНОГРАДОВ, В.В.(1950): *О категории модальности и модальных слов в русском языке*. Москва.
- ВАЛГИНА, Н.С. (1991): *Синтаксис современного русского языка*. Москва.
- ВАЛИМОВА, Г.В. (1992): «Явления синкретизма как результат функционирования системы языка». В кн.: *Явления синкретизма в синтаксисе русского языка*. Ростов - на - Дону.
- ВЫСОЦКАЯ, И.В. (2006): *Синкретизм в системе частей речи современного русского языка*. Москва.
- ГАК, В.Г. (1978): «О категориях модуса предложения». В кн.: *Предложение и текст в семантическом аспекте*. Изд-во Калининского университета. Калинин.
- ГВОЗДЕВ, А.Н. (1961): *Современный русский литературный язык*. Москва. *Русская грамматика (1980)*. Москва.
- ЗЕМСКАЯ, Е.А. (1973): *Русская разговорная речь*. Москва.
- КОДУХОВ, В.И. (1977): «Семантическая переходность как лингвистическое понятие». В кн.: *Семантика переходности*. Ленинград.
- КРЖИЖКОВА, Е.О. (1969): «О понятии нейтрализации». В кн.: *Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие*. Москва.
- КРУШЕВСКИЙ, Н.В.(1883): *Очерк науки о языке*. Казань.
- ЛИ ЦИНЬ (2002): *Синтаксис сложного предложения современного русского языка*. Шанхай.
- ЛЭС (1990): *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- МИНИРИН, В.Н.(1971): *Очерки по теории процессов переходности в русском языке*. Бельцы.
- ПЕШКОВСКИЙ, А.М. (1956): *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- ПОКУСАЕНКО, В.К. (1983): *Переходные конструкции в области сложного и простого предложения*. Ростов - на - Дону.
- РУДНЕВ, А.Г. (1959): *Синтаксис осложненного предложения*. Москва.
- РЯЭ (1997): *Русский язык. Энциклопедия*. Москва.
- ХУ МЭНХАО (1980): *Синтаксис современного русского языка*. Шанхай.
- ЧЖАН ЯН (2004): *Осложненные явления в системе русского синтаксиса*. Хэйлунцзян.
- ЩЕУЛИН, В.В., (1968): *Структура сложного предложения*. Ростов - на - Дону
- ЯКОБСОН РОМАН (1985): *Избранные работы*. Москва.